

7. Неисправимый оптимист

Помощью анархистов большевики пользовались в течение всей Гражданской войны (например, видный анархист Фурманов, один из организаторов советской власти в Иваново-Вознесенске, в июне 1918 г. стал коммунистом, а в 1919 г. был комиссаром у Чапаева), что не мешало им регулярно анархистов громить. Большевики очень нуждались в хотя бы внешней поддержке от какой-либо посторонней политической силы и получили ее от анархистов вообще и от Кропоткина в частности. Отказавшись поддержать красный террор, он, тем не менее, выступал с примирительными заявлениями вроде такого: с правительством большевиков «нельзя согласиться по многим вопросам», однако ему «принадлежит честь заявить и частично применить на практике принципы социализма»⁴⁹.

Кроме таких, в общем известных, фактов, как отказ Кропоткина от «кремлевского пайка» и его встреча с Лениным, у Маркина находим и менее известные сведения: например, с Лениным в мае 1918 г. встречался бывший грабитель Махно, когда еще только собирался возглавить анархическое войнство; позже он, оказывается, посылал Кропоткину (жившему в городе Дмитрове) продовольствие, от которого тот не отказывался.

Отношение Кропоткина к новой власти Маркин выразил так: «Разочарование наступило довольно быстро, но все же у него оставалась надежда на то, что сама жизнь заставит приступить к строительству общества подлинного народного»⁵⁰.

Могу лишь пояснить это словами самого Кропоткина, написанными в мае 1918 г. (т. е. уже после апрельского разгрома московских анархистов чекистами): «И вот теперь всем нам предстоит дружно взяться за дело общественной перестройки, чтобы выйти из отчаянного положения, в которое мы попали... Везде перед нами громаднейшая работа, чтобы помочь народу взяться за починку разрухи, внесенной немецким нашествием, и создать новую жизнь на началах свободы, равенства, братства и обобщенного, производительного труда»⁵¹.

Оптимизм его был изумителен.

номной республикой в составе России еще 30.04.1918 (Съезд Советов, Ташкент), ждала утверждения Москвы три года (до 11.04.1921), когда автономии оказались целиком подчиненными Москве, когда сама идея автономии потеряла федеративный смысл и слово «Федеративная» исчезло из названия Туркестанской республики.

⁴⁹ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 362.

⁵⁰ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 373.

⁵¹ Кропоткин. Поля, фабрики и мастерские.... С. 4–5.

Альтшулер Н. С., Ларионов А. Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века. История развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 150 с.

Выход этого научно-исторического исследования, предлагаемого вниманию читателя, приурочен к предстоящему 200-летию Казанского университета, основанного в 1804 г. Название труда отличается некоторой неопределенностью, поскольку его авторы не объясняют, что они понимают под «школой». Как сказал бы один знакомый рецензенту темпераментный экскурсовод: «И все что ни на есть в университете и вокруг университета, тоже называется “школа”», и, очевидно, авторы следуют этому же принципу. В реальности за этим заглавием стоят: 1) история кафедры физики (до 1932 г.); 2) история физического отделения физмата (1932–1941); 3) особо история геофизического направления; 4) студенческая и общественная жизнь физмата в те годы; и, наконец, 5) биографии выпускников физмата 1920–1940-х гг., создателей новых научных школ и направлений. Названные пять разделов и составили содержание пяти глав рецензируемой книги. В каждой главе немало интересных для социальной истории науки материалов, а в некоторых из них раскрываются и детали формирования научных направлений. Это прежде всего касается формирования направления исследований магнитного резонанса в Казани. В книге на высоком полиграфическом уровне воспроизводятся 37 фотографий и 21 иллюстрация (в том числе факсимиле некоторых документов). Многие документы (учебные планы, списки штатного состава кафедр и т. п.) воспроизводятся в виде перепечаток.

Список литературных и архивных ссылок включает 314 наименований.

В краткой рецензии было бы затруднительно излагать содержание каждой главы, но невольно хочется остановиться на некоторых персоналиях физмата и КГУ, упомянутых в книге.

Начнем с одного мимолетного, но важного персонажа. Сравнительно недолгим (1936–1937), но важным этапом в жизни физмата была работа на факультете М. Г. Матисона, ученого-эмигранта из Польши. Он был приглашен на работу в СССР по рекомендациям Ж. Адамара, П. Ланжевена и А. Эйнштейна и некоторое время был заведующим кафедрой теоретической физики. В рецензируемой книге указаны названия статей, опубликованных Матисоном в период работы в КГУ: «Механика материальных точек в общей теории относительности» и «Проблема движения в теории поля и электронные константы». Матисон взял в аспирантуру Ю. А. Лощилова и М. П. Чурсина, сотрудничал с преподавателем механики И. Щербаковым. В разгар репрессий в конце 1937 г. Матисон оказался в Париже, что спасло ему жизнь. Были арестованы его «покровители», помогавшие с переездом в Казань: атташе советского посольства в Париже Дивильковский, известный ученый Г. Лауэр, работавший в Госплане, начальник отдела учебных заведений Наркомпроса Х. Габидуллин и ректор КГУ Г. Камай. Позже арестовали аспиранта Лощилова. Чурсин и Щербаков вынуждены были срочно покинуть Казань, это помогло им избежать ареста.

В конце 1920 – начале 1930-х гг., после кончины Д. А. Гольдгаммера, на кафедре физики работал (и ею заведовал) единственный профессор В. А. Ульянин, скончавшийся в 1931 г. После этого последовал отъезд молодого способного физика А. Д. Гольдгаммера в Ленинград, и кафедра оказалась на грани ликвидации. Энергичная, хотя и не всегда адекватная, поддержка ректора КГУ Н.-Б. З. Векслина в конечном итоге привела к восстановлению, а скорее к новому рождению физической школы КГУ. Главная заслуга в этом, безусловно, принадлежала молодому доценту (с 1933 г. — и. о. заведующего кафедрой) Е. К. Завойскому (1907–1976).

Второй важной вехой на пути формирования казанской школы было воссоздание в 1938 г. кафедры теоретической физики во главе с С. А. Альтшулером (1911–1983). Тандем Завойский — Альтшулер вместе с Б. М. Козыревым и сотрудниками функционировавшей при физическом отделении лаборатории УКВ и заложил основы для открытия в будущем Е. К. Завойским магнитного резонанса (1944) и формирования школы по исследованиям магнитного резонанса (в послевоенное время). Наряду с этим именно Завойскому (с. 26-30, 32-37, 54-57, 69-78, 96-100) с Альтшулером (с. 26-28, 35-37, 39-46, 70-74, 79-81, 100-103) КГУ обязан тем, что в нем не прервалась связь времен в преподавании физики, что своевременно были поставлены в учебный план и начали читаться курсы по самым современным разделам физики.

Про книгу справедливо можно сказать, что в ней по мере возможности «никто не забыт и ничто не забыто», из того что относится к постановке физического образования в Казани. Большое внимание уделено биографии декана физмата астронома про-

фессора В. А. Баранова (1872–1942), в рассматриваемое время преимущественно занимавшегося организационно-хозяйственной деятельностью. Не забыты и математики, принадлежавшие к старой казанской школе и игравшие важную роль в подготовке таких физиков, как Н. Г. Четаев (1902–1959), Н. Г. Чеботарев (1894–1947), П. А. Широков (1895–1944), Н. Н. Парфентьев (1877–1943), В. А. Яблоков (1892–1975), Е. И. Григорьев (1876–1950), К. И. Персидский (1903–1970) и некоторых других.

Если говорить собственно о «школе» в ее чистом виде, то следует называть ее самых успешных выпускников. Этому посвящена последняя глава книги. Кроме упомянутых выше С. А. Альтшулера и Е. К. Завойского на скрижали КГУ занесены: А. З. Петров (1910–1972) — крупнейший в СССР специалист по общей теории относительности и теории гравитации; И. М. Романов (1915–1987) — первый заведующий кафедрой радиопизики КГУ; К. В. Костылев (1916–1990) — астроном, исследователь явлений, связанных с метеоритами; В. А. Кратт (1911–1983) — астрофизик, в 1965 г. ставший директором Пулковской обсерватории; Ш. Т. Хабибулин (1915–1996) — выдающийся астрофизик, в 1960 г. ставший заведующим кафедрой астрономии КГУ; Н. Д. Соколов (1912–2001) — выдающийся специалист по квантовой химии, ученик работавшего в СССР автора классических работ в этой области Г. Г. Гельмана, который возглавил в дальнейшем лабораторию в Институте химической физики АН СССР; Л. В. Грошев (1907–1975), работавший в Физическом институте АН и, по нашим сведениям, сыгравший важную роль в становлении Отделения ядерной физики на физфаке МГУ (что не отмечено в рецензируемой книге!). Список продолжается, и в нем упоминаются многие другие вы-

пускники физмата: геофизики, физики, астрономы.

Что касается замечаний, то можно лишь указать на недостаточное использование материалов Музея Е. К. Завойского (только в рамках ранее опубликованной статьи И. И. Силкина и Л. А. Трофанчук (ссылка 60)). Впрочем, зная недоверчивый характер хранителя Музея И. И. Силкина, я думаю, что вины авторов в этом нет.

Знакомство с рецензируемой книгой и подготовка настоящей рецензии были стимулированы поддержкой РГНФ (грант № 02-03-18081). А бесценные данные, приведенные здесь, важны для нескольких аспектов разрабатываемой нами темы «Физика

и физики в СССР в 1950–1960-х гг.». Главные из них: предыстория послевоенного периода успешного развития физики в СССР и региональный аспект развития физической науки в СССР и России. Оба эти аспекта составляют основное содержание пятой главы книги «Выпускники физмата конца 20-х – начала 40-х годов — создатели новых научных школ и направлений середины и второй половины XX века».

Авторы книги любезно предоставили экземпляры своего издания в библиотеку ИИЕТ и библиотеку Сектора истории физики и механики ИИЕТ.

А. В. Кессених